

Элементы геопоэтики в казахстанской и тувинской литературе

Раушан А. Маткеримова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан,

Альмира К. Калиева

Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, Республика Казахстан

В статье анализируются образы художественного пространства (различные элементы геопоэтики) в казахстанской и тувинской литературе XX–XXI вв. Источниками выступили литературные произведения казахстанских писателей: Г. Бельгера, Б. Канапьянова, Н. Черновой; тувинских авторов М. Монгуша, Ч. Куулара.

Казахстанские и тувинские писатели используют образы пространства для воссоздания особенностей мировосприятия народов, их понимания степи, гор, солнца и других природных объектов. Важнейшим элементом геопоэтики во всех рассмотренных произведениях казахстанских и тувинских авторов выступает степь как место проживания кочевников.

Отмечаются и отличия. В эссе Б. Канапьянова и Н. Черновой образы геопоэтики имеют более выраженный субъективный характер, чем в рассказах Г. Бельгера, М. Монгуша, Ч. Куулара. Г. Бельгер в описаниях ограничен пространством аула и его окрестностей. Геопоэтика рассказа М. Монгуша характеризуется масштабным характером, так как действие произведения происходит в самых разных местах (Тове и Монголии). Разные подходы к изображению геопоэтики объясняются различными художественными задачами писателей.

Ключевые слова: геопоэтика; художественное пространство; степь; понимание пространства; тувинская литература; казахстанская литература; тюркская мифология

Статья опубликована при поддержке целевой программы BR21882298 «Литературоведение и искусствоведение Казахстана в контексте концептуальной эволюции мирового гуманитарного знания».

Для цитирования:

Маткеримова Р. А., Калиева А. К. Элементы геопоэтики в казахстанской и тувинской литературе // Новые исследования Тувы. 2025. № 2. С. 216–230. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.12>

Маткеримова Раушан Азхарбековна — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Казахстан, 050040, г. Алматы, пр-т Аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: raushan_2003@mail.ru

Калиева Альмира Кайыртаевна — кандидат филологических наук, заместитель директора Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова. Адрес: Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29. Эл. адрес: almira_kalieva.8@mail.ru

MATKERIMOVA, Raushan Azharbekovna, Doctoral Student, Department of Russian Philology and World Literature, Faculty of Philology, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 Al-Farabi Ave., Almaty, Kazakhstan, 050040. E-mail: raushan_2003@mail.ru

KALIYEVA, Almira Kayirtaevna, Candidate of Philology, Deputy Director, M. O. Auezov Institute of Literature and Art. Postal address: 29 Kurmangazy St., Almaty, Kazakhstan, 050010. E-mail: almira_kalieva.8@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6491-2151

ORCID: 0000-0003-2645-0918

DIALOGUE OF CULTURES

Article

Elements of geopolitics in Kazakh and Tuvan literature

Raushan A. Matkerimova*Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,***Almira K. Kaliyeva***M. O. Auezov Institute of Literature and Art, Republic of Kazakhstan*

The article analyzes representations of artistic space (various elements of geopoetics) in Kazakhstani and Tuvan literature of the 20th — 21st centuries. The sources include literary works by Kazakhstani authors G. Belger, B. Kanapyanov, and N. Chernova, as well as Tuvan authors M. Mongush and Ch. Kuular.

Kazakhstani and Tuvan writers employ spatial imagery to recreate the unique worldview of their peoples, including their perception of the steppe, mountains, sun, and other natural elements. In all the analyzed works by Kazakhstani and Tuvan authors, the steppe — serving as the dwelling place of nomads—emerges as the most significant element of geopoetics.

Differences are also noted. In the essays by B. Kanapyanov and N. Chernova, geopoetic imagery exhibits a more pronounced subjective character compared to the stories by G. Belger, M. Mongush, and Ch. Kuular. G. Belger's descriptions are confined to the space of the aul and its surroundings. The geopoetics in M. Mongush's story is marked by a broad spatial scope, as the events unfold across various locations (Tuva and Mongolia). These different approaches to the depiction of geopoetics are explained by the diverse artistic objectives pursued by the authors.

Keywords: *geopoetics; artistic space; steppe; perception of space; Tuvan literature; Kazakhstani literature; Turkic mythology*

Financing

The article was published with the support of the target program BR21882298 "Literary and art criticism of Kazakhstan in the context of the conceptual evolution of world humanitarian knowledge".

For citation:

Matkerimova R. A. and Kaliyeva A. K. Elements of geopolitics in Kazakh and Tuvan literature. *New Research of Tuva*, 2025, no. 2, pp. 216-230. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.2.12>

Введение

Художественное пространство в литературных произведениях часто носит эмоциональное освещение, имеет богатые эстетические, смысловые и мировоззренческие контексты. Термин «геопозитика» является относительно новым. «Слово «геопозитика» вошло в оборот с середины 1990-х годов во многом благодаря поэту Игорю Сиду» (Абашев, 2012: 18). В современном литературоведении активно используется этот термин. В. В. Абашев характеризует понятие художественной геопозитики следующим образом: если «понятие текста фиксирует прежде всего структуру творчески преобразованного пространства, то геопозитика обращает нас к его образно-символической фактуре» (там же: 15). Для филологов геопозитика, это «специфический раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или сверткесты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов» (там же).

Художественная литература вслед за традиционной культурой символизирует образы родной природы. В. В. Абашев утверждает: «геопозитика — это и есть та исторически сложившаяся в дискурсивных практиках (и не в последнюю очередь благодаря литературе) символическая форма, в которой мы застаем объемлющую нас географию» (там же: 19).

Народы, постигая окружающую природную среду, обогащают свое мировидение, поэтому «геопоэтические образы играют колоссальную роль в национальном самосознании» (там же: 23). Например, для тюркских народов значимы такие элементы пространства, как степь, солнце, небо, горы, растительный мир и др. Художественная литература транслирует и обогащает смыслы, закрепленные мифом в различных элементах пространства. Как пишут С. С. Имихелова с соавторами, авторы бурятских и тувинских романов передают сакральный характер родной местности, ее природным объектам по мере отражения в них культа гор, рек, деревьев и связанных с ними обрядов (Имихелова, Монгуш, Синячкин, 2024: 80).

Таким образом, геопэтика является результатом отношения писателей к воссозданным в литературном произведении элементам художественного пространства. Геопэтика изображается на основе определенных культурных, мировоззренческих и литературно-эстетических установок.

Писатели Казахстана и Тувы, двух регионов распространения тюркоязычной культуры, используют образы геопэтики для решения различных литературно-эстетических задач. В их произведениях обнаруживаются точки соприкосновения, исторически обусловленное сходство сюжетов и образов. Тема схождения казахстанской и тувинской литератур, определенной общностью происхождения языка, культуры, пока мало обсуждалась в литературоведении.

Цель статьи заключается в сопоставительном исследовании различных элементов геопэтики в произведениях казахстанской и тувинской литературы для выявления схождения и различия их тем и поэтик.

Для раскрытия темы статьи необходимо решить конкретные задачи — проанализировать отдельные элементы геопэтики, встречающиеся в текстах обеих литератур: 1) степь; 2) солнце; 4) горы; 5) небо, звезды, ветер, деревья.

Объект исследования — рассказы и эссе казахстанских и тувинских писателей. Предметом исследования послужили элементы геопэтики (степь, солнце, горы, небо, звезды, ветер, дерево) произведений казахстанской и тувинской литературы.

Материалами исследования выступили произведения казахстанских писателей XX–XXI вв.: Герольда Бельгера¹, Бахытжана Канапьянова², Надежды Черновой³, тувинских авторов: Мадона Монгуша⁴, Черлиг-оола Куулар⁵.

Г. Бельгер создавал свои произведения на казахском, немецком и русском языках. Рассказ Г. Бельгера «Абильмажин» был написан на русском языке. Произведения Б. Канапьянова созданы на рус-

¹ Герольд Карлович Бельгер (1934–2015) — известный казахстанский писатель, переводчик, публицист, литературовед. Создавал произведения различных жанров на казахском, немецком и русском языках. Автор многочисленных романов, повестей, рассказов. Тема депортации поволжских немцев в Казахстан, судьбы немецких переселенцев, их взаимоотношения с казахским народом — одна из основных в его творчестве. Лауреат президентской премии мира и духовного согласия (1992).

² Бахытжан Мусаханович Канапьянов (1951 г. р.) — казахстанский поэт, писатель, переводчик, сценарист, кинорежиссёр. Автор книг «Аист над Припятью: стихи и проза» (1987), «Кочевая звезда: стихи и поэмы» (1991) и др. Лауреат Государственной премии Республики Казахстан в области литературы и искусства (2020). Член Союза писателей Казахстана, член казахского и русского ПЕН-клубов (ПЕН-клуб от англ. PEN International — международная правозащитная неправительственная организация, объединяющая профессиональных писателей, поэтов и журналистов, работающих в различных литературных жанрах).

³ Надежда Михайловна Чернова (1947 г. р.) — казахстанская поэтесса. Окончила факультет журналистики Казахского государственного университета им. С. М. Кирова. Автор более двадцати книг стихов и прозы. Лауреат международной литературной премии «Алаш». Награждена орденом «Курмет». Член Союза писателей Казахстана.

⁴ Мадон Балдыжыкович Монгуш (1938–2014) — поэт, прозаик, переводчик, заслуженный работник Республики Тыва, член Союза журналистов России и Союза писателей Республики Тыва. Рассказам присущи точность воссоздания быта, природы, жизни народа. Автор книг: «Мөңгө назын: шүлүктөр» (Вечный возраст: стихи, 1986), «Мадонна: шүлүктөр» (Мадонна: стихи, 1996), «Элезинниг ховуга өлүм: тоолдар, чечен чугаалар, очулгалар» (Смерть в песчаной степи: рассказы, переводы, 2014) и др.

⁵ Черлиг-оол Чашкынмаевич Куулар (1940 г. р.) — поэт, прозаик, переводчик, фольклорист, критик, народный писатель Республики Тыва (2008). Автор книг: «Мой конь: стихи» (1975), «Время: стихи, поэма» (1978), «Камешки в воде: стихи, баллады, поэмы» (1983), «Утренние зори: стихи, поэма» (1988), «Ночь с вьюгой: стихи, поэмы, сонеты» (2000), «Мелодия: повесть» (1990) и др.

ском языке, в том числе его эссе «Два портрета. Иноходец судьбы». Язык творчества Н. Черновой — русский. М. Монгуш написал на тувинском языке рассказ «Смерть в песчаной степи»; мы рассматриваем в статье текст этого рассказа в переводе на русский язык. Рассказ Ч. Куулара «Мое имя» опубликован в журнале «Улуг-Хем» на русском языке, без пометки, что это переводное произведение.

Использованы методы и приемы мифопоэтики, историко-литературного и сравнительного подходов к анализу произведения. Для формирования широких представлений о геопоэтике осуществлен анализ произведений тувинских писателей в формате сравнения с казахстанской прозой.

Источниковая база: рассказы Г. Бельгера «Абильмажин»¹, М. Монгуша «Смерть в песчаной степи»², Ч. Куулара «Мое имя»³, эссе Б. Канапьянова «Два портрета. Иноходец судьбы»⁴, эссе Н. Черновой «Казачий круг»⁵. Все перечисленные произведения написаны на русском языке, кроме созданного на тувинском языке рассказа М. Монгуша «Смерть в песчаной степи» (перевод Г. Принцевой).

Теоретико-методологическая основа

Методологическая основа нашей статьи — исследования, посвященные семиотике географического пространства в литературе (Лотман, 1992: 9–21; Топоров, 1995: 259–367; Шукин, 2021); концепция моделирования географических образов (Замятин, 2006), труды по анализу художественной геопоэтики (Абашев, 2012) и др.

В художественной литературе образы геопоэтики представлены в виде значимых для определенной культуры локусов. «Так, в русской культуре есть геопоэтические образы- тексты Петербурга и Москвы, Крыма, Кавказа, Сибири, Урала, Поморья и т. п.» (Абашев, 2012: 18–19).

Геопоэтика отражает особенности мест обитания народов, что определяет своеобразие и содержание их мировосприятия. Так, в одном из новейших исследований О. В. Просяникова и ее коллеги приходят к выводу: «Англосаксонские племена, обосновавшиеся на острове, географически связаны с морем и, соответственно, в их картине мира важное место занимают море и его освоение...» (Просяникова, Скорик, Гребнев, 2023: 99). Затем они констатируют: «Для народов Алтая, к которым относятся тувинцы, пространством бытия являются горно-степные земли, а кочевой образ жизни, связанный со скотоводством, предполагает активное передвижение по земле» (там же).

Отметим решение проблем языка, языковой личности авторов рассматриваемых произведений. В современной науке исследуется проблема перевода ценностей, идей культуры в русскоязычном творчестве нерусского автора.

Б. Канапьянов, Г. Бельгер, М. Монгуш, Ч. Куулар — это писатели-билингвы. Литературные произведения, созданные билингвами не на родном языке, а на русском (втором), тем не менее, как полагают исследователи, способны отразить локус своей этнической культуры. В художественных произведениях писателей-билингвов, утверждает У. М. Бахтикиреева, «описывается национальный образ первичной культуры средствами его вторичной/приобретенной, в нашем случае — русской языковой культуры» (Бахтикиреева, 2009: 18). Писатели-билингвы создают такой художественный текст, в который «заложены качества “ценные” для восприятия русского читателя “как стиmulаторы”. Именно эти качества текста писателя приобщают читателя к мироощущению “чужого” народа, к иной картине мира», — считает автор (Бахтикиреева, 2004: 46).

«Собственное прочтение произведений русскоязычных авторов нерусского происхождения, в которых воссозданы художественные образы, не входящие в систему русской культуры, подводит нас к выводу, — в другой работе рассуждает У. М. Бахтикиреева, — об уникальном способе перевода иной культуры в русской «языковой оболочке» (Бахтикиреева, Токарева, 2023: 81). Авторы имеют в виду проблему особого вида перевода культуры, который они рассматривают с учетом идеи Ю. М. Лотмана о двойственной роли «интериоризированного образа, от которого требуется, чтобы он был

¹ Бельгер Г. К. Казахские арабески: Статьи, эссе, рецензии, этюды. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. С. 279–294.

² Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 39–45. (Перевод с тувинского языка Г. Принцевой).

³ Куулар Ч. Мое имя (рассказ) // Улуг-Хем. 1994. № 28. С. 24–26.

⁴ Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы (эссе) // Простор. 2021. № 6. С. 99–122.

⁵ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 16–91; № 7. С. 3–93; № 8. С. 3–90.

переводим на внутренний язык культуры (т. е. не был ‘чужим’) и был ‘чужим’ (т. е. не был бы переводим на внутренний язык культуры) (там же: 82).

«Перевод «непереводимого — непрозрачного» билингвальным автором осуществляется, — подчеркивают они, — благодаря двуязычию, своеобразному “двуголосому слову”, которое превосходит переводческое преобразование, осуществляемое профессиональным переводчиком, и описание “чужого” национальным (например, русским) писателем» (там же).

Литературные произведения, создаваемые писателями на неродном для них языке, обогащаются двойным зрением автора, так как «текст “звучит, как русский”, но транслирует вонне нерусское видение мира», также считают О. А. Валикова и ее коллеги (Валикова, Шагимгиреева, Кулиева, 2020: 245). Это естественно, поскольку «в распоряжении автора-билингва оказывается ресурсная база двух языков» (там же: 234).

Творчество современных казахстанских писателей рассматривается в контексте транскультурности. Авторы одной из работ на эту тему приходят к выводу, что «восприятие мира транслингвальными авторами происходит сквозь призму транскультурной картины мира, состоящей из сегментов двух и более национальных картин мира» (Темирова, Жакупова, 2023: 128).

Что касается творчества Надежды Черновой, создающей свои произведения на русском языке, то необходимо учитывать, что авторская картина мира писательницы сформировалась в условиях казахской этнокультурной среды. Это определило отражение в ее произведениях реалий казахской и русской культуры и истории.

Степь как элемент геопозтики

Рассматриваемые произведения казахстанских и тувинских писателей объединяет образ степи, выступающей центральным элементом геопозтики. Кроме того, геопозтика получила в них особое эмоциональное освещение как исторически сложившаяся среда обитания кочевых народов, как источник высоких и жизнеутверждающих смыслов, уходящих корнями в далекое прошлое тюрков.

Рассказ Герольда Бельгера «Абильмажин» представляет собой реалистическое произведение, посвященное теме взаимоотношений казахского народа и немецких переселенцев после Великой Отечественной войны.

Главный герой рассказа Абильмажин спасает от смерти в зимней степи заблудившегося немецкого мальчика. Абильмажин привозит ребенка к себе домой. Затем отправляется в соседний аул, откуда привозит младшую сестру мальчика. Так в его доме появились приемные сын и дочь.

«Эрих — его скоро в ауле стали звать на казахский лад Эриком или Эркином — рос смышленным, но не по годам серьезным и молчаливым»; «Эльзу старуха назвала на другой же день Ализой. Девочка так привязалась к старухе, что и ночью спала с ней, и днем не отставала ни на шаг, всюду ходила следом за ней, цеплялась за длинный бабушкин подол»¹.

Приемные дети росли в новой семье в любви и заботе.

«В доме стало веселее. Заглядывали аульчане, поздравляли стариков с детьми, желали им счастья. И соседние малыши приходили каждый день, чтобы поиграть-порежаться с Эриком и Ализой, которые так потешно выговаривали иногда привычные казахские слова»².

Действие рассказа Г. Бельгера происходит в военные и послевоенные годы.

Старший сын главного героя Амиржан погиб в первый год войны. Младший сын Кенжебек вернулся с войны в родной аул с подорванным здоровьем, но вскоре умер. Главный герой рассказа тяжело переживает смерть своего сына. Но именно степь помогла отцу вынести это горе.

«Тогда-то и появились первые седины в бороде Абильмажина. Он стал еще более молчаливым, часто уходил на охоту, но возвращался с пустыми руками. Все понимали, что не на охоту уходил старик, а просто в степь, чтобы побыть наедине со своим горем»³.

¹ Бельгер Г. К. Казахские арабески: Статьи, эссе, рецензии, этюды. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. С. 286.

² Там же.

³ Там же. С. 287.

Степь осмысливается как пространство жизнеутверждения. Абилямжин «...смирился и, качая на коленях Ализу, благодарил Аллаха, что тот послал им такую дочку и такого сына, как Эркин»¹.

Ализа выходит замуж, в доме готовятся к свадьбе. Вся семья с нетерпением ждет приезда из города Эркина. Г. Бельгер рисует сцену встречи отца и сына. Семья воссоединилась накануне важного события — свадьбы приемной дочери Ализы.

В художественном мире рассказа Г. Бельгера центральное место занимает степь. Автор использует прием концептуализации образа степи. Степь — это пространство жизни и вдохновения казахского народа. Именно в зимней степи произошла судьбоносная история, когда Абилямжин случайно встретил осиротевшего мальчика Эриха, которого он спас от смерти. Эта встреча в степи подарила Абилямжину двоих приемных детей.

Далее рассмотрим рассказ тувинского писателя Мадона Монгуша «Смерть в песчаной степи». Это реалистическое произведение, повествующее о жизни главного героя — монгольского табунщика Шагдаржава.

Действие рассказа разворачивается на границе Тувы и Монголии в начале прошлого века. В геопоэтике этого рассказа особое место принадлежит степи. Главный герой рассказа вырос в степных краях.

«Арат Шагдаржав с детства сильно любил лошадей, всегда гонялся за красивой сбруей для них. Любил стремглав мчаться по степи, и, как орел, был свободен и крут нравом»².

Шагдаржав женился на красавице Серенмаа, но она не могла родить ему ребенка. Во время поиска пропавшего табуна лошадей Шагдаржав обнаружил мертвую молодую женщину-тувинку, на груди которой сидел ребенок. Шагдаржав забрал малыша с собой, привез его в свои южно-монгольские степи. Его мать и жена тепло приняли ребенка, окружили любовью и заботой. Мальчику дали имя Цеденжав. После того, как мальчик оказался в новой семье, жена табунщика родила дочь, а потом сына. Шагдаржав и его жена любили приемного сына, так как считали, что именно с ним в их семью пришло большое счастье. Цеденжав рос в любви и не знал, что он приемный сын.

Геопоэтика рассказа включена в состав глобального исторического времени. В России произошла революция во главе с Лениным, в Китае свергли власть манчжурской династии, в Монголии Сухэ-Баатор возглавил движение народных масс. Шагдаржав стал членом народной революционной партии, а Цеденжав учился в Улан-Баторе, а затем — в Москве. Цеденжав стал министром в Монголии. Родители гордятся успехами своего приемного сына. Цеденжав с женой, которая ждала ребенка, прилетел домой на самолете в гости. Отец и сын отправились в степь к могиле матери Цеденжава. Отец все рассказал сыну. Цеденжав слушал и плакал. А потом, обняв отца, сказал ему:

«— Отец, кем бы я ни был, я тебе — родной сын. Я — монгол! И буду верно служить своему народу и вам»³.

В эпилоге рассказа содержится следующая философская мысль автора. История урянхайки и ее сына рассматривается как «цепи перевоплощения сансары. Ведь, умирая, мать вдохнула в сына свою последнюю энергию и надежду». «В мире нет ничего вечного. Вечна только любовь матери. Она — источник всходов всего живого на земле»⁴. Степь разумна, содержит смыслы, в ней произошло чудо спасения ребенка, который принес счастье в семью простого монгольского табунщика. Этот мальчик объединил два народа — тувинцев и монголов. Идея рассказа М. Монгуша — народ продолжает свою жизнь благодаря героизму и самоотверженности простых людей. Это излюбленная тема тюркских авторов — поднимать проблемы сохранения жизни семьи и народа.

Сюжет рассказа тувинского писателя Мадона Монгуша «Смерть в песчаной степи» перекликается с произведением Г. Бельгера «Абилямжин».

Герои рассказов — сильные и добрые люди, живущие в степи. Степь для них — это родной дом. Женщины — мудрые и верные спутницы жизни. Именно в степи главный герой рассказа М. Монгуша табунщик Шагдаржав нашел мертвую женщину с ребенком, которого усыновил. Напомним, что также в зимней степи главный герой рассказа Г. Бельгера спас мальчика, которого они с женой усыновили. Объединяет эти рассказы идея гуманизма, интернационализма, тесной связи народов.

¹ Там же. С. 286.

² Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 40.

³ Там же. С. 45.

⁴ Там же.

Образ степи в рассказах М. Монгуша и Г. Бельгера имеет сакральный смысл, что привносит в художественную геопоэтику универсальную идею вечного круговорота жизни.

Идея вечного движения жизни проводится и в рассказе тувинского писателя Черлиг-оола Куулара «Мое имя».

Это лаконичный реалистический рассказ, повествующий о жизни главного героя, который гордится своим именем. В рассказе воссоздана традиционная геопоэтика тувинского народа. Это горы, Западные Саяны, степь, реки. Образ дороги — важный элемент в культурном коде тюрков. Именно в дороге главного героя зимой родила его мать. Капнула кровь пуповины на Землю, которая стала сакральной. Мальчику поэтому дали имя — Черлиг-оол. Автор дает объяснение семантики имени своего героя:

«‘Чер’ — земля, суффикс ‘лиг’ придает значение — с землей или пупом земли; ‘оол’ — мальчик, так можно расшифровать мое имя»¹.

В геопоэтике рассказа «Мое имя» актуализируется образ степи, тесно связанный с образами дороги и земли. Во многих произведениях современной казахстанской литературы представлено описание значимых для казахской культуры художественных пространств. Эссе — литературный жанр, позволяющий автору эмоционально и субъективно, используя разнообразные художественные приемы, выражать свое отношение к миру.

Эссе Бахытжана Канапьянова и Надежды Черновой посвящены теме родины. Писатели выражают в произведениях любовь к казахской земле.

Бахытжан Канапьянов, пишущий на русском языке, в своем эссе воссоздал геопоэтику родной страны. Писатель упоминает степь, родовое кладбище как пространство памяти об ушедших в иной мир предков.

«Где-то здесь, между землями Оренбурга, Орска, Актюбе, в неизвестном теперь ландшафте новых переименований есть и место великого Упокоя — родовое кладбище его предков»; «Человек всегда должен, хотя бы раз в десять, в пять лет, навещать свою малую родину, даже если ничего не осталось от бывшего аула...»².

Родовое кладбище — это пространство благодарности предкам за дарованную жизнь.

Далее автор пишет о таком значимом элементе национальной картины мира тюрков, как степь: «И родные и близкие, отец и мать завещали предать их земле именно на родине предков, где такой простор...»³.

Вся история казахского народа поэтизируется автором эссе в пределах авторской геопоэтики, которая осмысливается как пространство универсальной гармонии земли и неба, прошлого и настоящего. Степь — доминанта геопоэтики эссе Б. Канапьянова.

Русские авторы, живущие в Казахстане, также транслируют в своих произведениях значимые для традиционной казахской культуры смыслы, которые содержатся в образах геопоэтики. Геопоэтика эссе известной казахстанской писательницы Надежды Черновой формируется благодаря образу великого казахского писателя Абая:

«Центр Азии находится в Республике Тува, а центр Евразии — у нас, в Семипалатинской степи, в урочище Жидебай, рядом с зимовкой поэта Абая»⁴.

Далее она утверждает, что все на земле несет сакральный смысл для человека. Н. Чернова воспринимает степь как источник высоких жизнеутверждающих смыслов.

«Может, именно этот воздух и магические излучения Жидебая подпитывали талант поэта? По крайней мере, его всегда тянуло туда, и только там он обретал покой и вдохновение. Я неоднократно бывала в Жидебае и всякий раз слышала музыку, исходящую от земли и неба: звучал ветер, травы, облака, будто кто-то играл на кобызе. Это космическая музыка! Она завораживает. Она отодвигает земную суету. Она делает тебя поэтом и философом»⁵.

¹ Куулар Ч. «Мое имя», рассказ // Улуг-Хем. 1994. № 28. С. 25.

² Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы. Эссе // Простор. 2021. № 6. С. 111.

³ Там же.

⁴ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 78.

⁵ Там же. С. 79–80.

Н. Чернова пишет, что великий казахский поэт Абай «любил Степь — там столько воздуха, свободы, простора!»¹

Как видно, во всех рассмотренных выше произведениях образ степи является главным элементом воссозданной геопоэтики.

Геопоэтика казахстанской и тувинской прозы вписывается в контекст народной традиционной культуры. В тюркской мифологии пространству и времени принадлежит особое место (Традиционное мировоззрение ... , 1988). Тюрки воспринимали мир как единство ландшафта и живого мира, о чем, например, свидетельствуют зоокомпоненты в тувинской топонимии².

Степь — значимый элемент пространства в тюркской картине мира. Образ степи также является центральным в геопоэтике казахстанской и тувинской прозы. Это согласуется с народными представлениями о степи как основе жизни. «Степь (иситеп — от древнетюрк. «іс істеп» — делать дело, осваивать) — международный архаизм» (Шайгозова, Наурзбаева, 2023: 41). Пространство степи содержит значимые в тюркских культурах смыслы. «Степь в понимании казахов — сакральное место» (там же). «Огромные степные пространства ассоциируются с богатством и свободой» (там же). Подобного рода представления родственны трактовке образа степи в рассмотренных выше произведениях.

Согласно традиционной картине мира тюрков, степь — это исток жизни. В геопоэтике рассказов, а именно в степи, происходит ключевое событие — рождение или спасение человека. Мотив рождения человека в степи (рассказы М. Монгуша и Ч. Куулара) и тема второго рождения Эриха, который бы погиб, если бы его не нашел Абилямжиган (рассказ Г. Бельгера), играют большую роль в сюжете этих произведений.

Обращение к мифологическим представлениям древних тюрков позволит более глубоко понять тему рождения человека в художественной литературе.

«Изддревле существует сакральное понятие «рождения» и «появления человека» в этот мир: «адамның кіндік қаны тамған туған жері», которое имеет специфическое свое пространство и время... Тенгри дарует «кут». Отсюда формируется концепция «Жерұйық», которая обладает сакральным «кутом», тесно связанная с понятиями «кіндік», «центр». «Жерұйық» как важный сакральный концепт тюркского мировоззрения выделяет главную жизненную позицию кочевника: Земля, куда капнула кровь пуповины, сакральна, так как на ней печать Творца-Тенгри и его благословение»³.

Образ степи в рассказах М. Монгуша, Ч. Куулара и Г. Бельгера имеет сакральный смысл, что привносит в геопоэтику универсальную идею вечного круговорота жизни.

Степь хранит память о предках. Кладбище — пространство народной памяти. Родовые кладбища, могилы близких (как отражение идеи почитания предков, благодарной памяти о них) — это элемент геопоэтики произведений Г. Бельгера, М. Монгуша, Б. Канапьянова, Н. Черновой. Почитание предков — это форма выражения благодарности за подаренную жизнь, за сохранение жизни рода. Как известно, у казахов сильно развит культ предков (Каирбеков, 2014). Культ предков занимает важное место в миропонимании казахов (Кулумжанов, Жолдубаева, 2018). Почитание предков находит отражение в погребальном обряде древних тюрков (Васильев, 2018; и др.⁴).

Таким образом, степь выступает важнейшим элементом геопоэтики во всех рассмотренных выше произведениях казахстанских и тувинских авторов.

Солнце как элемент геопоэтики

Наряду со степью ключевым в геопоэтике произведений казахстанских и тувинских писателей выступает космический образ — солнце. Солнце — это источник света и жизни в воссозданном мире произведений. Зимой в степи царят морозы, дуют сильные ветра (бураны). Но иногда над степью оживает солнце.

¹ Там же. С. 19.

² Кара-оол Л. С. Зоокомпоненты в тувинской топонимии // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 280–284. DOI: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00961>

³ Кулумжанов Н. Е. Феномен сакрального в традиционной культуре тюркских кочевников: дис. ... докт. наук (PhD). Алматы, 2022. С. 64.

⁴ Безертинов Р. Н. Древнетюркское мировоззрение «Тэнгрианство»: учебное пособие. Казань : РИЦ «Школа», 2006.

Приведем описание солнца из рассказа Г. Бельгера «Абильмажин»:

«...Зимой, после долгих, изнуряющих душу буранов и лютых морозов, от которых с сухим треском лопается кора на деревьях, наступают вдруг ясные, веселые деньки. Солнце еще с утра засветит ярко-ярко, и смотрит как-то ласковей, и поднимается все выше и выше, щедро поливая золотом снежное безмолвие. Все вокруг становится сразу нарядным и праздничным»¹.

Характерно, что образ солнца в рассказе Г. Бельгера воссоздается с помощью олицетворений.

«...Короткий зимний день был на исходе. Солнце к вечеру потускнело. Недовольное, обиженное, оно висело над лесом, цепляясь за верхушки деревьев. Казалось, чей-то гигантский глаз хмуро смотрит на этот безмолвный, скованный морозами и снегами мир»².

Солнце — это глаз неведомого существа, знак иных миров.

Солнце выступает как значимый элемент геопоэтики рассказа М. Монгуша «Смерть в песчаной степи». Солнце занимает главное место в описании неба. «...утреннее солнце глянуло ярко, подмигнув ресницами лучей, как будто хотело скорей согреть открывшиеся табунщику просторы»³. Солнце олицетворяется, наделяется автором приветливым и добрым взглядом.

В эссе Н. Черновой образ солнца несет традиционную идею жизни. Характерно, что оно олицетворяется в форме сравнения с глазом беркута:

«Кто-то незримый властной рукой отодвинул завесу ливня, перебросил её за горизонт, и там, на краю Степи, повисли в небе тёмные косые полосы, а над рекой, над дымящимся, как остывающий вулкан, лесом вспыхнуло солнце — жёлтым беркутиным оком. И в ответ грянули птицы! В их звонких руладах — восторг, ликование жизни. Так, наверное, бывает, когда кончается большая война!»⁴

Образ солнца присутствует в пейзажных описаниях в эссе Б. Канапьянова: «На заходящий огненно-красный диск солнца, что на несколько мгновений застыл на краю бесконечной степи, а затем стал медленно опускаться за горизонт, мчался косяк лошадей»⁵.

В геопоэтике казахстанской и тувинской прозы образ солнца наделяется исключительно позитивными и жизнеутверждающими мотивами. В традиционной культуре имеет место такое же отношение к солнцу:

«В представлениях казахов солнце — символ долголетия, богатства и изобилия, с ним связано огромное количество обрядов и ритуалов. По поверьям казахов, заходящее солнце способно унести болезнь, что выразилось в обряде “ұшықтау”. Лекарь, прыская в лицо больного водой, приговаривал: “ұшық, кет пәле, кет, кет!” (Уйди хворь, уйди, уходи прочь!)» (Шайгозова, Наурызбаева, 2023: 17).

Култ солнца занимал особое место в мировоззрении тувинцев (Даржаа, 2007: 16–57; и др.⁶). Сакрализация восходящего солнца имеет место в тувинской мифологии⁷. Култ солнца существовал еще у хунну, которые встречали восход небесного светила поклоном (Давлетшина, 2021: 45).

Таким образом, солнце является одним из ключевых элементов геопоэтики во всех рассмотренных выше произведениях казахстанских и тувинских писателей. С образом солнца связана тема света и жизни, что вполне согласуется с традиционными представлениями тюрков о нем.

Горы как элемент геопоэтики

Горы как важный элемент геопоэтики упоминаются в рассказах М. Монгуша и Ч. Куулара.

Геопоэтику рассказа М. Монгуша «Смерть в песчаной степи» дополняют горы. Шагдаржав и его семья жили на берегу Селенги возле высоких гор. А если он был в пути, всегда видел «далекие силуэты гор»⁸.

¹ Бельгер Г. К. Казахские арабески: Статьи, эссе, рецензии, этюды. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. С. 280.

² Там же. С. 283.

³ Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 41.

⁴ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 18.

⁵ Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы. Эссе // Простор. 2021. № 6. С. 99.

⁶ Монгуш Ч. А. С. Култ солнца в мировоззрении тувинцев // Ермолаевские чтения. Материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики / отв. ред. В. С. Чигжит. Кызыл, 2021. С. 121–131.

⁷ Самдан З. Б. Символика времени и пространства в тувинской мифологии // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 501–504.

⁸ Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 41.

О горах говорится в эссе Б. Канапьянова: «...ранним утром его поразили величественные снежные вершины Заилийского Алатау...»¹. В произведении Б. Канапьянова горы и степь образуют гармоничное пространство, сферу музыкальной гармонии. Он пишет, что «музыкальная сфера родной Казахской степи» — это музыка «горных вершин, ибо Казахская степь — понятие чисто условное»².

Н. Чернова утверждает, что Абай любил горы: «За стенами зимовки ... гудел ветер, в окне — волнистые очертания синих Чингисских гор. Как он их любил!»³.

В одном из эпизодов эссе Н. Черновой образ горы ассоциируется с далекой историей:

«Встретились мы с археологом в Нарынколе, где проходил праздник поэзии Мукагали Макатаева — на фоне священной для тюрков горы Хан-Тенгри (до сих пор в Степи есть приверженцы религии тенгрианства: Тенгри — бог Неба. Сохранились поговорки: “Пища на завтра от Тенгри”, “Пусть благословит Тенгри!”, “Пусть Тенгри покарает!” и т. д.). С гор, пограничных с Китаем, скатывались дымные облака. Они быстро заполняли зелёную, влажную долину, окутывая её туманом. Заоблачный воздух принёс запах снега. Альпийский холод всегда прилетал сюда внезапно и стремительно, как когда-то, в древности, потоки воинственных орд»⁴.

Н. Чернова сопрягает ключевые для казахского народа онтологические образы степи и гор в условном, исторически ориентированном пейзаже:

«Летит стрела, оперённая ветром, от алтайских хребтов, от казахских степей, от жёлтых рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, от Небесных гор (так с китайского переводится Тянь-Шань) — до степей Причерноморья, до Азова, Днепра и Дона, до Греции и Кавказа, до персидских городов, до древней страны Урарту, пронзая века, а за нею, за оперённой ветром стрелой, летят гортанные крики воинственных племён»⁵.

Смыслы образа горы как геопозитического элемента, утверждающего в проанализированных выше произведениях казахстанских и тувинских писателей идею величия мироздания, согласуются с мифологическими представлениями тюркских народов. Образ горы прочно вошел в традиционные представления тюрков. Свидетельство этому — горные святилища Тувы⁶. Образ горы играет большую роль в казахской мифологии: «Олицетворением Мировой горы у казахов является Көк төбе (буквально — синяя/голубая гора), на которой растёт Байтерек (мировое древо)» (Шайгозова, Наурзбаева, 2023: 41).

Культ горы уходит корнями в далекую историю. Древние тюрки обожествляли горы. «Согласно традиционным верованиям древних тюрков, родник, озеро, долина, а также горы имеют своего собственного духа-хозяина. К примеру, у тюрков Южной Сибири (алтайцев, хакасов, тувинцев) выделяются несколько компонентов традиции почитания гор: ежегодные коллективные моления; сооружение обо на склонах священных гор и др. Во многих тюркских эпосах матерью фольклорных героев представляется именно гора — Otukan, которой поклонялись ещё древние хунну (гунны). В целом, культ горных вершин у древних тюрков был составной частью почитания священной Жер-Су (Земля-Вода)» (Шайгозова, Наурзбаева, 2023: 41).

Образ гор — это важный элемент геопозитики в произведениях казахстанской и тувинской литературы. С их образом связана идея красоты и прочности мироздания, тема величия природы.

Небо, звезды, ветер, дерево как дополнительные элементы геопозитики

В геопозитике казахстанских и тувинских писателей особое внимание уделяется небу, образ которого является источником высоких и позитивных смыслов, утверждающих идею жизнелюбия и стойкости человека.

¹ Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы (эссе) // Простор. 2021. № 6. С. 107.

² Там же. С. 111.

³ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 19.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 7. С. 31.

⁶ Семенов А. В. Горные святилища Тувы // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 2. Вып. 4. С. 140–146.

⁷ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 16.

Н. Чернова воспринимает степь как продолжение неба: «На другом, пологом берегу простиралась Великая степь, уходящая в небо»⁷.

Б. Канапьянов осмысливает образ неба в исторической ретроспективе. «Тенгрианское небо слегка светлело»¹. Он использует эпитет «тенгрианское» для выражения своей картины мира.

М. Монгуш изображает небо как источник судьбоносного события. «Вдруг с неба ринулась огромная птица, гриф, и опустилась совсем близко с Шагдаржавом»². Благодаря этой птице табунщик обнаружил мертвую женщину и ее маленького сына.

Звезды являются частью геопоэтики произведений казахстанской и тувинской прозы. Главный герой рассказа Ч. Куулар «Мое имя» в своих мечтах видит мерцающие «тайные звезды»³.

Б. Канапьянов упоминает такое необъятное небо над безбрежной степью, «что, кажется, звезды лежат в траве»⁴. Звезды — источник высших смыслов. Б. Канапьянов утверждает, что «музыкальная сфера ночного неба и звезд сродни органу»⁵.

Образ звезды в эссе Н. Черновой вводится в мифологические и исторические контексты. Писательница приводит пример из скифской мифологии. «Мать-Земля тоже была богиней. Её изображения украшались венцом из ста звёзд на голове»⁶. Н. Чернова смело включает звезды в свои фантазии на исторические темы:

«Ночью, когда полная луна встаёт над Пёстрыми горами, над Алатау, выгляните в окно: у подъезда стоят скифские кони в парадном убранстве, ведь коней погребали вместе с воинами. Кони нетерпеливо перебирают крепкими ногами, готовые мчаться по свету — высекая огонь, отрываясь от земли. Видите в небе цепочку вспыхивающих звёзд? Это скачут скифы!»⁷

Звезды нашли отражение в традиционном миропонимании тюрков:

«Полярная звезда — Темір қазық — (Железный кол), по вечному кругу ходят привязанные к нему кони — звезды Ақбозат и Көкбозат (Малой Медведицы). Большую Медведицу казахи называли Жеті қарақшы (семеро разбойников), Жетіген (семерка) или Жеті қарт (семь старцев). На карте звездного неба особо выделяли Үркер (Плеяды), Ұшар қар-таразы (Орион) и Сүмбіле (Сириус). Практически со всеми звездами связаны космогонические легенды и мифы. Құс жолы (Дорога птицы) — Млечный путь. Древние тюрки, как и другие народы мира, верили в то, что звезды влияют на человеческую судьбу, даруют или отнимают счастье» (Шайгозова, Наурзбаева, 2023: 17).

Степь невозможно представить себе без ветра. В рассмотренных выше произведениях упоминается ветер. В рассказе М. Монгуша читаем: «Вы, наверное, слышали про песчаные степи Гоби. Там постоянно ветра, иногда бушуют ураганы»⁸. В рассказе Г. Бельгера говорится о зимних ветрах (буранах) в степи. Солнечные дни «приходят зимой редко, как праздник, как радость, и после них уже не так страшен свирепый злыдень буран, и стужа и ветры переносятся уже легче, как и горе после настоящей радости. Ветер утих еще ночью, буран выдохся как-то сразу, словно выбившийся из сил шаман»⁹. В приведенном фрагменте обращает на себя внимание сравнение бурана с шаманом. Это пример олицетворения образа ветра.

Н. Чернова в эссе рисует образ ветра для художественной и смысловой иллюстрации своих рассуждений. Она также использует прием сравнения. Сравнивает ветер с сакральным казахским музыкальным инструментом — кобызом: «За стенами зимовки басовитой струной шан-кобыза гудел ветер»¹⁰.

Аналогичные подходы (олицетворение ветра, сравнение) использовались в тюркской мифологии: «Символика ветра у тюркских народов проецировалась на характеристику людей и животных:

¹ Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы (эссе) // Простор. 2021. № 6. С. 111.

² Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 41.

³ Куулар Ч. «Мое имя», рассказ // Улуг-Хем. 1994. № 28. С. 26.

⁴ Канапьянов Б. Два портрета. Иноходец судьбы. Эссе // Простор. 2021. № 6. С. 111.

⁵ Там же.

⁶ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 7. С. 32.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Монгуш М. Смерть в песчаной степи // Улуг-Хем. 2002. № 3. С. 41.

⁹ Бельгер Г. К. Казахские арабески: Статьи, эссе, рецензии, этюды. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. С. 281.

¹⁰ Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 19.

эпитетами награждались как правило быстрые скакуны. Ветер олицетворял мужское начало, космическую стихию и духовную сущность» (Шайгозова, Наурзбаева, 2023: 25). «Древние тюрки считали, что ветер напрямую связан с самим Тенгри и причисляли его к божеству второго ранга» (там же). Казахи умели отличать различную степень ветра. «У казахов насчитывается более семидесяти названий ветра, семантика которых разнообразна и варьируется от выражения наслаждения до страдания» (там же).

Растительный мир входит в геопэтику художественной литературы. Главный герой рассказа Г. Бельгера получает силы под тополями:

«Старик, кряхтя и отдуваясь, поднялся, постоял немного, держась за спинку кровати, и, осторожно переставляя негнущиеся ноги, вышел на улицу, в огород. В конце огорода у плетня росли тополя и акации, посаженные Эркином. Там, под тополями, в тени кустов, под сонное жужжание шмелей старику всегда думалось легко»¹.

Н. Чернова рассуждает в эссе:

«Я новыми глазами глянула на высокую, сильную сосну, которая устояла под грозой, под стрелами молний. Я увидела в ней Древо Жизни. В русских преданиях Древо Жизни — Дуб, у казахов — Тополь-Байтерек, а у меня — Красная Сосна, любимое дерево моего детства»².

Характерно, что уже древние тюрки отметили особым отношением дерево. Это, например, нашло отражение в существовании культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая (Тадышева, 2018). «В тюркской культуре тополь—священное дерево» (Шайгозова, Наурзбаева, 2023: 53). «Один из видов тополя казахи называют “желторангы” — “призывающий ветер”. В старину рубить такой тополь считалось большим грехом, а древнее поверье гласит: когда засохнет последнее желторангы, погибнет и весь мир, превратившись в пустыню» (там же).

Образ тополя выражает тему истока жизни:

«В казахской культуре значение тополя выражается в мифе о Байтерек (в смысловом переводе “тополь прародитель”, “Мать-тополь”). На нем растут зародыши детей и скота, а когда приходит время, души детей летят в мир людей. У его корней находятся живительные родники, которые дают начало рекам» (там же).

В онтологических воззрениях древних тюрков дереву принадлежит одно из центральных мест:

«У тюрков-номадов в мифах имеются сюжеты о мировом дереве, к примеру, Байтерек как Мировое дерево, является моделью Вселенной. Мифологическое представление тюрков-номадов о космическом содержится в самом отношении к Дереву. Одинокое растущее дерево в степи служило предметом поклонения каждого проезжающего путника, который привязывал к нему куски материи. Культовое отношение к дереву отражает шаманистское миропредставление, согласно которому Мировое дерево связывало Небо и Землю. Мировое дерево считалось вместилищем душ и сакральным местом, где написана книга судеб»³.

Кульм дерева берет начало в культуре гуннов. «В «стране гуннов» обряд жертвоприношения в честь Тенгри-хана проводился в святилищах-дубравах, где самые высокие деревья олицетворяли его самого» (Давлетшина, 2021: 46). Кульм дерева получил затем распространение у тюркских племен. «В жизни народов Поволжья дерево издревле занимало центральную позицию. Понимая, какой мощью обладают деревья, болгары, сувары и берсулы обожествляли их, возле них совершались жертвоприношения» (там же).

Таким образом, небо, звезды, ветер, дерево выступают как дополнительные элементы геопэтики в казахстанской и тувинской литературе, иллюстрируют различные аспекты авторского мировосприятия.

В проанализированных выше эссе Б. Канапьянова и Н. Черновой образы геопэтики имеют более выраженный субъективный характер, чем в рассказах Г. Бельгера, М. Монгуша, Ч. Куулара. В эссе Б. Канапьянова и Н. Черновой представлена авторская картина мира, что возможно при использова-

¹ Бельгер Г. К. Казахские арабески: Статьи, эссе, рецензии, этюды. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2014. С. 280.

² Чернова Н. Казачий круг // Простор. 2021. № 6. С. 18.

³ Кулумжанов Н.Е. Феномен сакрального в традиционной культуре тюркских номадов: дис. ... докт. философии (PhD). Алматы, 2022. С. 63.

нии различных художественных средств, в том числе радикальных. Авторы эссе смело включали элементы геопоэтики в различные мифологические и исторические контексты.

Проанализированные выше рассказы Г. Бельгера, М. Монгуша, Ч. Куулара являются реалистическими произведениями, в которых важны правдоподобие и достоверность. Элементы геопоэтики использованы в основном для строго реалистического воссоздания природной среды, окружающей литературных героев.

Следует показать отличие геопоэтики рассказа Г. Бельгера от геопоэтики рассказов тувинских писателей. Казахстанский автор рисует конкретный образ степи и других элементов геопоэтики. Таким образом, его геопоэтика носит локальный характер, она ограничена пространством аула и его окрестностей. Геопоэтика рассказа М. Монгуша характеризуется масштабным характером, так как действие произведения происходит в самых разных местах (Тове и Монголии), далеко от родных мест главного героя. В рассказе Ч. Куулара «Мое имя» также показана масштабная панорама традиционной геопоэтики тувинского народа (горы, степь, реки). Ключевое событие рассказа (рождение в дороге главного героя) происходит далеко от родного дома действующих лиц.

Разные подходы к изображению геопоэтики объясняются различными художественными задачами писателей. Для Г. Бельгера важно было рассказать о судьбе своего главного героя, который практически не покидал своих родных мест. Отсюда локальный характер геопоэтики произведения. Тувинские писатели создали повествования о литературных героях, которые проводили много времени в пути, в дороге. Это определило масштабный характер геопоэтики их произведений.

Заключение

В произведениях казахстанской и тувинской прозы воссоздается исторически сложившаяся среда обитания тюркских народов, которая имеет геопоэтическую форму, отражающую особенности авторского мировосприятия. Геопоэтика и художественная антропология образуют органичное единство сюжета произведений казахстанской и тувинской прозы. Их герои — это мужественные, стойкие люди, которые поддерживают и продолжают жизнь семьи, народа в трудных природных условиях.

Элементами геопоэтики произведений казахстанской и тувинской прозы выступают образы степи, солнца, гор, неба, звезд, ветра, дерева, несущие авторские жизнеутверждающие смыслы.

Геопоэтика рассмотренных в нашей работе произведений выражает идею сильной эмоциональной привязанности казахстанских авторов и их героев к родной земле. В художественной тувинской литературе тема родной земли также получила эмоциональное освещение (Кужугет, 2023). Геопоэтика произведений казахстанской и тувинской прозы вписывается в контекст традиционных онтологических представлений тюркских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашев, В. В. (2012) Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики. Пермь : Перм. гос. нац. иссл. ун-т. 140 с.
- Бахтикиреева, У. М. (2004) Особенности русского художественного текста писателя-билингва // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 1 (2). С. 43–49.
- Бахтикиреева, У. М. (2009) Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : Изд-во «ЦБО и МИ». 259 с.
- Бахтикиреева, У. М., Токарева, Н. А. (2023) Перевод культуры в русскоязычном творчестве нерусского автора // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XX. Вып. 1. С. 80–86.
- Валикова, О. А., Шагимгиреева, Б. Е., Кулиева, Ш. А. (2020) Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдурда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. № 4. С. 230–249. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
- Васильев, В. Е. (2018) Культ предков в свете погребального обряда древних тюрков (по мифам и преданиям народа саха) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. № 1 (22). С. 49–56.
- Давлетшина, Л. Х. (2021) Древнетюркская мифология и фольклорная традиция татар: истоки и полисемантизм образов // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. № 5 (85). С. 43–54.

- Даржа, В. К. (2007) Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 256 с.
- Замятин, Д. Н. (2006) Культура и пространство. Моделирование географических образов. Москва : Знак. 488 с.
- Имихелова, С. С., Монгуш, Е. Д., Синячкин, В. П. (2024) Тема родины в тувинской и бурятской прозе 1960–1970-х годов // Новые исследования Тувы. № 1. С. 74–87. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1>
- Каирбеков, Б. Г. (2014) Мир Кочевья. Мифы Великой Степи. Казахский этикет. Астана : Казахский научно-исследовательский институт культуры. 255 с.
- Кулумжанов, Н. Е., Жолдубаева, А. К. (2018) Культ предков в миропонимании казахов // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия Философия, культурология, политология. № 1 (63). С. 188–196.
- Кужугет, Ш. Ю. (2023) Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 64–79. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>
- Лотман, Ю. М. (1992) Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII — первой половины XIX в. 478 с.
- Просьянникова, О. И., Скорик, К. В., Гребнев, А. Н. (2023) Пространственная модель в героическом тувинском и древнеанглийском эпосе // Новые исследования Тувы. № 3. С. 97–124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.7>
- Тадышева, Н. О. (2018) Отражение культа дерева в традиционном мировоззрении тюрков Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. История. № 51. С. 118–123.
- Темирова, Ж. Г., Жакупова, А. Д. (2023) Явление транскulturности в современной казахстанской литературе // Вестник Кокшетауского университета имени Ш. Уалиханова. Серия филологическая. № 4. С. 121–131. DOI: <https://doi.org/10.59102/kufil/2023/iss4pp121-131>
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / под ред. И. Н. Гемуева. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.
- Топоров, В. Н. (1995) Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс ; Культура. 624 с.
- Шайгозова, Ж. Н., Наурызбаева, А. Б. (2023) Краткая энциклопедия знаков и символов казахской культуры. Алматы : КазНИИК. 320 с.
- Шукин, В. Г. (2021) Город и миф: Исследования в области геопоэтики. М. : ЛЕНАНД. 424 с.

Дата поступления: 02.12.2024 г.

Дата принятия: 27.02.2025 г.

REFERENCES

- Abashev, V. V. (2012) *Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics*. Perm, Perm State National Research University. 140 p. (In Russ.)
- Bakhtikireeva, U. M. (2004) Features of the Russian literary text by a bilingual writer. *Vestnik RUDN. Serii: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*, no. 1(2), pp. 43–49 (In Russ.)
- Bakhtikireeva, U. M. (2009) *Creative bilingual personality (features of a Russian text by a Turkic author)*. Astana, TsBO i MI Publ. 259 p. (In Russ.)
- Bakhtikireeva, U. M. and Tokareva, N. A. (2023) Translation of culture in Russian-language works by non-Russian authors. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, vol. XX, no. 1, pp. 80–86 (In Russ.)
- Valikova, O. A., Shagimgireeva, B. E. and Kuliyeveva, Sh. A. (2020) Cosmos in the logos: translanguage poetry of Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 230–249. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>
- Vasiliev, V. E. (2018) The cult of ancestors in the light of the funeral rites of the ancient Turks (based on myths and legends of the Sakha people). *Severo-Vostochnyi humanitarnyi vestnik*, no. 1(22), pp. 49–56 (In Russ.)
- Davletshina, L. Kh. (2021) Ancient Turkic mythology and the folklore tradition of the Tatars: origins and polysemy of images. *Vestnik Severo-vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, no. 5(85), pp. 43–54 (In Russ.)
- Darzha, V. K. (2007) *Secrets of the worldview of Tuvan nomads*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. 256 p. (In Russ.)
- Zamyatin, D. N. (2006) *Culture and space. Modeling of geographic images*. Moscow, Znak. 488 p. (In Russ.)
- Imikhelova, S. S., Mongush, E. D. and Sinyachkin, V. P. (2024) The theme of homeland in Tuvan and Buryat prose of the 1960s–1970s. *New Research of Tuva* no. 1, pp. 74–87. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1>

Kairbekov, B. G. (2014) *The world of the nomad. Myths of the Great Steppe. Kazakh etiquette*. Astana, Kazakh Scientific Research Institute of Culture. 255 p. (In Russ.)

Kulumzhanov, N. E. and Zholdubaeva, A. K. (2018) The cult of ancestors in the worldview of the Kazakhs. *Vestnik KazNU im. al'-Farabi. Seriya Filosofiia, kul'turologiia, politologiia*, no. 1(63), pp. 188–196 (In Russ.)

Kuzhuget, Sh. Yu. (2023) Tuvans' attitude to land in Tuvan literature of the 20th — 21st centuries. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>

Lotman, Yu. M. (1992) *Selected articles: in 3 vols. Tallinn, Aleksandra. Vol. 2. Articles on the history of Russian literature of the 18th — first half of the 19th centuries*. 478 p. (In Russ.)

Prosyannikova, O. I., Skorik, K. V. and Grebnev, A. N. (2023) Spatial model in the heroic Tuvan and Old English epic. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 97–124. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.7>

Tadysheva, N. O. (2018) Reflection of the cult of the tree in the traditional worldview of the Turks of Sayan-Altai. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, no. 51, pp. 118–123 (In Russ.)

Temirova, Zh. G. and Zhakupova, A. D. (2023) The phenomenon of transculturality in contemporary Kazakhstani literature. *Vestnik Kokshetauskogo universiteta imeni Sh. Ualikhanova. Seriya filologicheskai*, no. 4, pp. 121–131. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.59102/kufil/2023/iss4pp121-131>

Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. Material world (1988) / ed. by I. N. Gemyuev. Novosibirsk, Nauka. 225 p. (In Russ.)

Toporov, V. N. (1995) *Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetics: Selected works*. Moscow, Progress-Kultura. 624 p. (In Russ.)

Shaigozova, Zh. N. and Naurzbayeva, A. B. (2023) *A brief encyclopedia of signs and symbols of Kazakh culture*. Almaty, KazNIIK. 320 p. (In Russ.)

Shchukin, V. G. (2021) *City and myth: Studies in geopoetics*. Moscow, LENAND. 424 p. (In Russ.)

Submission date: 02.12.2024.

Acceptance date: 27.02.2025.